

Несимметричный гибрид: почему в городе сложно встретить природу?

Марат Невлютов

Введение

Этот номер «Городских исследований и практик» посвящен гибридам в городской теории. Широкое распространение этого концепта и частое использование в разных дисциплинах и разными теоретиками стирают его потенциальную объяснительную и трансформирующую силу. Гибрид становится простой данностью, его позиции и устройство не подвергаются сомнению и расшифровке. Однако его применение в городской теории требует внимательного рассмотрения и настройки. Изначальный смысл гибрида заключался в смешении материального и символического с целью артикуляции города как «киборга» [Haraway, 1991; Gandy, 2005; Vidler, 1992] или «гибрида» [Luke, 1996; Castree 2005; Swyngedouw, 1996; Латур, 2006], в котором общество и природа образуют гетерогенное, конфликтное и «вызывающее беспокойство целое» [Swyngedouw, 1996]. Одновременно с этим общим определением при помощи гибрида описываются и другие, но имеющие тот же характер смешения – например, органического и неорганического, телесного и механического, человеческого и животного.

Кажется, что особые качества гибрида, этого «вызывающего беспокойство целого», обусловлены тем, что оно производится при помощи восстановления в правах и проявления «угнетенных» элементов, которые ранее были скрыты, исключены, колонизированы. В городской теории такими элементами оказываются плохо репрезентированные в городе технологии, животные, бактерии, материалы, мигранты, женщины, коренные народы и другое [Agregt, 1996]. Во многих случаях они будут собраны под зонтичным понятием природы. Раннее исключение этих элементов свидетельствует об их особых качествах текучести, неопределенности, лиминальности, нестабильности, опасности, которые сложно примирить с ясностью, определенностью, контролируемостью и, следовательно, сложно включить в городское. Их соединение проблематично – гибридизация не проходит бесследно ни для одной из сторон.

Невлютов Марат Раилевич, журналист; преподаватель, Архитектурная школа МАРШ, Российская Федерация, 105120, г. Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, 10, стр. 2; старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), Российская Федерация, 119331, г. Москва, пр-т Вернадского, 29; главный редактор, онлайн-журнал ПИЛА. E-mail: mnevlyutov@gmail.com

В статье рассматриваются некоторые характеристики гибридов в городской теории. Гибрид описывает парадоксальные смешения гетерогенных существ, в результате которых образуется постоянно конфликтное, грозящее быть разрушенным целое. Противопоставленная городу природа выступает в качестве такого дестабилизирующего элемента. Включение природы в город продолжает происходить с использованием разнообразных техник контроля и объективного знания. Такая «урбанизация природы» нарушает необходимое гибриду равновесие, превращая его в несимметричную сеть «угнетения» природы. Статья рассматривает такие примеры ускользания природы, как зоонозные заболевания и природные катастрофы, которые описываются как не имеющая завершения борьба города и природы. Возможность включения этих феноменов в город связана с артикуляцией социального и политического природы, но также с принятием риска «встречи» в городе с опасным, изменчивым и непредсказуемым. Статья предлагает контуры некоторых техник и знаний, которые устанавливают симметричность гибрида и открывают возможность для непредсказуемых встреч.

Ключевые слова: гибрид; урбанизация природы; зоонозные заболевания; природные катастрофы; непредсказуемые встречи; ситуативное знание

Цитирование: Невлютов М. Р. (2024) Несимметричный гибрид: почему в городе сложно встретить природу? // Городские исследования и практики. Т. 9. № 2. С. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp9220246-14>

Вдохновленный представленными в этом выпуске исследованиями и вместе с их авторами я попробую в данном тексте посмотреть на гибрид в перспективе городских исследований и выделить некоторые его определяющие качества, без которых гибрид перестает быть таковым. В чем же я вижу главную сложность применения подобного рода смешивания и гибридизации в городской теории? Концепция гибрида, как она представлена в современных социальных, философских и антропологических теориях, подразумевает «грязное» [Латур, 2006] смешение или образование гетерогенного целого, то есть соединение сохраняет существенное различие элементов. В таком случае между городским и природным неизбежно возникает конфликт, который должен быть разрешен через установление равенства. Однако, как мы покажем далее, возникающие противоречия в городе чаще разрешаются в пользу одной из сторон, гибрид города и природы оказывается несимметричным.

Отдавая себе отчет в проблематичности самого понятия природы [Латур, 2018; Morton, 2007] и критике порождающей его дуальности, плохо совместимой с концепцией гибрида, я тем не менее хотел бы на первых порах использовать его в эпистемологических целях [Castree, 2005], чтобы в процессе смешения с городским не растерять природное. Осмысление города и природы как гетерогенного целого привело к созданию очень важных текстов об их взаимном влиянии и общей истории [Cronon, 1991]. Как отмечают исследователи, в XX веке принято было выделять три возможных типа отношений природы с городом: ресурсные, безвредные и опасные [Peeling, 2001]. Первый и второй тип во многом аналогичны и могут быть описаны как «урбанизация природы» [Swyngedouw, Kaika, 2014]: вода наполняет мой стакан и течет по трубам, деревья очищают и насыщают городской воздух кислородом. В третьем же случае природа угрожает городу и вытесняется за его пределы: дикие животные и растения объявляются вредителями или помещаются в клетки, болезни и микробы безжалостно уничтожаются.

Обозначенные отношения городского с природным опосредованы стратегиями управления через подчинение или исключение, а значит, подразумевают специально разработанные для этого техники и знания. Изменчивая, нестабильная и текучая природа фиксируется и контролируется при помощи специфических способов производства научного знания, строительства инфраструктур, картографирования ландшафтов, утверждения градостроительных норм и многого другого [Da Cunha, 2018]. Если же природа не подчиняется, а угроза ее внезапного вторжения напоминает о себе, то презумпция безопасности в городе запускает механизм конструирования природы как врага и его немедленного уничтожения. Представление города и природы как гибрида ставит перед городской теорией необходимость выработки такой стратегии соотнесения, в ко-

торой есть место для риска, опасности, неопределенности, таких техник и знаний, которые бы осуществили симметричное смешение города и природы.

Контроль над природой

В конце XIX – начале XX века, в фордистский период урбанизации, природа осмысляется как отдельная, но необходимая часть города – заявляется необходимость контроля экологических процессов [Keil, Graham, 1998]. Ряд ключевых фигур городского управления и природоохранной политики, такие как Эбенизер Говард, Фредерик Олмстед, Патрик Геддес, Джон Мьюир и многие другие, описывают природу как ценный компонент городов и цивилизации. Их идеи и подходы легли в основание многих последующих стратегий соотнесения с природой через включение в городское. Такое действие подчинения природы городу, которое географы Эрик Свингедоу и Мария Кайка называют «урбанизацией природы», подразумевает «социальную мобилизацию природы, превращение любых ее проявлений в товар и трансформацию с целью поддержания процесса всеобщей и окончательной урбанизации планеты» [Swyngedouw, Kaika, 2014].

Во второй половине XX века происходит трансформация отношения к природе, что находит свое выражение в «экомодернизации города» [Hajer, 1995]. Важной фигурой этого процесса был ландшафтный архитектор Ян Макхарг, который в своем методе экологического или «проектирования вместе с природой» стремился более расширенно интерпретировать природу в качестве влиятельного и независимого актора [McHarg, 1967]. Урбанизация понимается им как адаптация к конкретным экологическим условиям, которые существуют до человеческого вторжения и могут быть зафиксированы при помощи различных метрик. Однако он понимает природу как пассивную материю, которую необходимо анализировать, картографировать, инвентаризировать, то есть придать форму и определить границы. Возможность смешения, то есть общего для природы и человека экологического проектирования, возникает у него благодаря артикуляции общего основания – здоровья. Для поддержания здоровья системы человек–природа необходимы знания об экологических условиях и техники адаптации к ним архитектурного или ландшафтного проекта.

Это указание на зависимость городов от экологических условий и важности «планетарного здоровья» как общей для всех ценности неразрывно связано с артикуляцией экологических проблем [Prescott, Logan, 2019]. Возникновение экологического движения и зеленой политики оказывается возможным благодаря тесному связыванию между собой городских вопросов и отдаленной, труднодоступной, невидимой природы. Главной причиной экологических проблем будет названа человеческая

деятельность, а вина, перемешанная с технологическим оптимизмом, потребует немедленного ответа за совершенные действия. Элизабет Колберт описывает различные проекты ученых, политиков и инженеров по управлению природой, которые призваны исправить ошибки в более ранних проектах по управлению природой. Так, она рассказывает, как азиатский карп, выпущенный в один из притоков Миссисипи и призванный очищать реку от лишних водяных растений, размножился и из инструмента управления водными ресурсами превратился в опасного инвазивного врага, уничтожающего местную экосистему. Вывод, который делает автор из целого ряда подобных историй, неутешителен: «у проблемы, возникшей из-за чрезмерного управления природой, есть только одно решение – еще больше усилий по ее управлению» [Колберт, 2023].

Обеспокоенность состоянием природы и попытки решить экологические проблемы приводят к необходимости усиливать контроль и расширять сети управления все дальше, за пределы городского. Современные теоретические линии экологического проектирования говорят о возможности решения экологических проблем через ускорение технологизации, включения природы в планетарные сети инфраструктур, создание глобальной системы координации городских и природных процессов. Их потенциальный успех строится на «коммуникации без опасной близости» [Fischer, 1995] с природой при помощи технологий и других инструментов урбанизации планеты. Бенджамин Браттон, например, настаивает на искусственном решении проблем и техническом управлении природой и климатом через систему сенсоров и обратной связи: «Меры, направленные против антропогенных изменений климата, должны быть в равной степени антропогенными» [Браттон, 2020]. Природа в такой системе перестает быть формой «внешнего альтернативного мира» [Tzaninis et al., 2021], превращается в один из элементов городской инфраструктуры.

Описанные подходы действительно способны снять противостояние города и природы при помощи артикуляций сети, в которой сплетаются в единое целое различные элементы. Во многом нестабильные, неопределенные, опасные качества природы редуцируются к экологическим условиям, которые необходимо включить в проектирование городских процессов через инструменты анализа и контроля. Критическая линия городской политической экологии пытается разработать иную стратегию, с большим вниманием к функционированию скрытых властных отношений [Castree, 2002]. Эрик Свингедоу говорит, что при осмыслении гибрида города и природы необходимо задаваться вопросом «Почему “вещи как таковые” производятся таким образом, как они производятся и к чьей потенциальной выгоде?» [Swyngedouw, 1996]. Понимание природы только как ресурсного и безвредного элемента гибрида делает отношения с городом несимметричными, исключает возможность политической

агентности природы. Интересными для дальнейшей работы будут ситуации, когда природа оказывается для города неудобным соседом, когда проявляются ее опасные и непредсказуемые свойства.

Непредсказуемые встречи

Иногда природа сопротивляется включению ее в городское, не соглашается на бесконфликтную гибридизацию. В этих случаях ей атрибутируются качества опасности, неконтролируемости, дикости. Уильям Кронон критикует романтическую концепцию «дикой природы», которая поддерживает дуализм, ставит природу и человека на противоположные полюса. Однако он также настаивает, что автономия нечеловеческой природы является важным качеством и «средством для исправления человеческого высокомерия». Он предлагает обратиться к «дикости» как таковой, которую можно обнаружить не где-то на периферии нашего внимания и обитания, но прямо в непосредственной близости, в наших телах и городах: «Дикость (в противоположность дикой природе) можно найти где угодно: на кажущихся безлюдными полях и лесных массивах Массачусетса, в трещинах тротуаров Манхэттена, даже в клетках наших собственных тел» [Cronon, 1995]. Так он смешивает городское и природное, но при этом сохраняет их различие – дикость возникает как чистая инаковость, которая не может быть присвоена, узнана человеком и всегда остается «чуждом».

В поисках дикости в непосредственной близости и в клетках наших тел мы неизбежно должны обратиться к патогенным бактериям и вирусам и тому, как они изменили города. Мэтью Ганди использует концепцию «бактериологического города», чтобы указать на связь административных, технических и политических аспектов городской реформы XIX века с неизменным присутствием в городе дикого и опасного соседа [Gandy, 2006]. Более того, процессы урбанизации и колонизации часто усиливали распространение опасных инфекций, становились причинами различных эпидемий. Несмотря на обозначение связи города и природы, знания и техники «бактериологического города» конструируют ясный образ врага, стремятся стабилизировать этот объект и отношения с ним через лабораторное изучение его свойств и изобретение методов борьбы. Развитие эмпирических наук, начиная с картографирования вспышки холеры врачом Джоном Сноу до разработки комплексной системы здравоохранения, конечно, при неизменной поддержке городской инфраструктуры, внушили надежду на окончательную победу над этой разновидностью опасной природы и вытеснение ее из города. Однако эти договорные отношения оказались менее устойчивыми, чем представлялись ученым и городским планировщикам совсем недавно.

Элементы «бактериологического города», состоящего из патогенов, воды, людей, карт, колонок,

больниц, предписаний врачей и публикаций ученых, начали неожиданно изменяться в процессе становления и взаимных попыток определения и фиксации. Самые непредсказуемые трансформации происходили с главным виновником собрания – объектом под названием «патоген». Он разваливался на глазах, он эволюционировал, странно себя вел, обнаруживал свои новые свойства. Ко всему прочему города и люди в них ускоряли темпы этих изменений: как выяснилось, человеческий организм был неплохим «инкубатором» для производства новых штаммов вирусов. Ряд событий конца XX века, среди которых распространение азиатской холеры в 1991 году, появление чумы в 1994-м, вспышка лихорадки Эбола в 1995-м и вспышка птичьего гриппа H5N1 в 1997-м, показали, что угроза эпидемий не исчезла, а глобализация превратила мир в «котел» для ускоренной коэволюции зоонозных, то есть полученных от животных, вирусов. Ганди говорит о том, что модель «бактериологического города» более не подходит для описания отношений между городом и реактуализированными зоонозными заболеваниями и предлагает использовать модель «зоонозного города» [Gandy, 2023].

«Зоонозный город» стремится проследить сложные отношения между зоонозными заболеваниями и множеством изменчивых и непредсказуемых факторов. И если вспышки холеры и чумы в прошлом веке связывались в основном с плохо функционирующей инфраструктурой и проблемами в управлении города, то для объяснения распространения вируса Эбола и разработки стратегий борьбы с ним нужно присмотреться к «негородским» факторам: вырубке лесов, потреблению мяса диких животных и нарушению ареала естественных переносчиков вируса – летучих мышей [Wolfe et al., 2005]. Одновременно с этими факторами распространению Эбола способствовали миграция из сельской местности бедного населения, строительство новых дорог, улучшающих связь с более отдаленными районами, где имеются естественные резервуары этой болезни [Munster et al., 2018]. Брюс Браун справедливо отмечает, что последствия распространения зоонозов обнаруживают безграничный, изменчивый характер человеческих тел, вирусов, инфраструктур и предлагает осмыслить город как арену биополитической борьбы, где все «эти сложные образования между городом и природой растянуты во времени и пространстве» [Braun, 2008].

Отдельной сложностью для понимания отношений между городом и природой будет изменчивая экология переносчиков болезней. Для нынешних и будущих зоонозных заболеваний главными переносчиками признаны летучие мыши, поскольку они являются носителями огромного количества вирусов, многие из которых остаются неизвестными науке, способны перемещаться между видами и в конечном итоге заражать людей. Понимание того, что существует так называемая «зона межвидовых столкновений» [Gandy, 2023], в которой воз-

можно возникновение новых, еще не существующих болезней, вызывает параноидальную тревогу и настойчивое желание усилить контроль еще не существующего явления. Сами летучие мыши могут быть описаны как «лиминальные животные» – их собственное влияние на человека незначительно и не представляет опасности, но они могут быть переносчиками смертельных патогенов. Даже потенциальной угрозы достаточно, чтобы определить их как опасность для города и здоровья его обитателей и контролировать, не позволяя перемещаться и покидать места обитания, то есть лишить их изменчивости и в конечном итоге агентности [Shingne, Reese, 2022].

Образование гибрида города и природы в таком случае подразумевает необходимость примирения с риском присутствия опасных и изменчивых соседей, которые будут каждый раз подрывать любые попытки стабилизировать и спрогнозировать наше совместное существование. Донна Харауэй предлагает идею Терраполиса как города, в котором происходит переплетение с болезнью, эпидемией, гумусом: «Терраполис – уравнение гуманов, гумуса, почвы, уравнение продолжающейся опасной инфекции, эпидемии, многообещающей смуты, пермакультуры» [Харауэй, 2020]. Принятие риска в Терраполисе становится возможным благодаря радикальной критике любых форм индивидуализма и аутопоэзисных систем, в которых действуют автономные, управляемые и предсказуемые единицы. Харауэй говорит, что мы соконституируемся вместе с другими существами в интра- и интеракциях, являемся следствием «танца встреч» [Haraway, 2008]. Терраполис представляет собой не собрание индивидов, но переплетения и встречи, где объекты не имеют пространственных и темпоральных границ, постоянно эволюционируют и способны на непредсказуемые изменения.

Однако изменчивость и неопределенность отношений, указываемая многими исследователями как необходимость, не обязательно приводит к возникновению гибрида. Скотт Маккуайр предостерегает нас, что современный неолиберальный город действительно не имеет четких границ, объектов и отношений, но при этом он производит четкую дифференциацию индивидов, безразличных друг к другу. Несмотря на кажущуюся инклюзивность, разнообразие и открытость, такой город более ориентирован на изолированные формы технологического контроля и нивелирование непредсказуемых изменений. Автор приходит к заключению, что «необходим отход от кибернетической логики инструментального господства над городом в пользу пространств и площадок для незапланированных, случайных и непредсказуемых социальных раскладов и внедрений в городское пространство» [Маккуайр, 2014]. Ключевыми для создания гибрида являются понятия риска и опасности, которые и дают способность для симметричного взаимодействия с другими.

Природные катастрофы

Землетрясения, наводнения и извержения вулканов и другие природные катастрофы являются примерами рискованных и опасных встреч с природой. Соседская недоброжелательность катастроф мешает включить их в городское и концептуализировать как нейтральный или полезный элемент сети. Как было принято считать на протяжении почти всего XX века, природные катастрофы приходят из далекого космоса, из глубоких недр, из бесконечного ниоткуда, «это элементы физической среды, которые вредны для человека и вызваны внешними по отношению к нему силами» [Smith, 1992]. Однако современное понимание, что деятельность человека приводит к глобальному изменению климата, затрудняет утверждение, что любая гидрологическая или метеорологическая опасность, воздействующая на город, имеет исключительно природное происхождение, хотя это в гораздо меньшей степени справедливо в отношении землетрясений или извержений вулканов. И тем не менее, учитывая гибридность города и природы, катастрофы следовало бы определять как «взаимодействие человека с окружающей средой, которое может привести к катастрофе» [Mitchell, 2001].

Рост городов и процессы урбанизации сильно связаны с попытками снижения экологических рисков – города стремятся исключить опасную природу и обезопасить горожан. Сельская местность, бедные, технические и экономически «неразвитые» районы сильнее сцеплены с природными изменениями и поэтому больше подвергаются риску внезапного вторжения. Но, как показывает история катастроф, этот тезис не всегда справедлив. Одна из самых драматичных катастроф XX века – Таншаньское землетрясение в Китае в 1976 году, которое унесло от 250 000 до 800 000 человеческих жизней. Большая доля погибших пришлась на городские районы, которые принято считать более защищенными от внешних угроз и гарантирующими безопасность населению. В сельской местности землетрясение оказалось гораздо менее катастрофичным или не было замечено как событие вовсе [Pelling, 2003]. Помимо демонстрации того, что города также подвержены влиянию природы, этот пример проблематизирует само определение катастрофического события – катастрофой обозначается не любое вторжение природы, а такое, к которому не получилось адаптироваться, которое нанесло значительный ущерб.

Катастрофы также принято осмыслять как экстраординарные события, имеющие качества внезапности, непредсказуемости, неуправляемости. Но так они определяются, если разработанные знания и техники не смогли оперативно отреагировать, природу не удалось урбанизовать, она вышла из-под контроля. В работах и статьях, посвященных катастрофическим событиям в городах, как правило, не уделяется много внимания повседневному, или

так называемым «хроническим», опасностям, не приносящим значительный материальный урон и растянутым во времени [Satterthwaite, 1998]. Такое пренебрежение связано с прогнозируемостью, повторяемостью, длительностью, невидимостью этих процессов – их легче изучать, картографировать, анализировать и впоследствии предложить ряд действий по адаптации, снижению их негативного воздействия или вовсе проигнорировать. Повышение уровня океана можно нивелировать при помощи строительства гидротехнических сооружений или перемещения населения тонущего острова на новое место, распространение опасного патогена можно замедлить при помощи организации санитарных мер, вакцинации и строительства просторных и светлых больниц. Эти действия являются попыткой снизить текучесть, неожиданность и неопределенность явлений. Если же мы намереваемся сохранить агентность природы, то следовало бы говорить о катастрофах как опасностях, нуждающихся в других техниках адаптации.

Понимание опасных явлений как исключительно природных (физикалистская интерпретация) приводит к тому, что рекомендации по адаптации касаются в основном инженерных разработок и контроля над физической средой: собираются и анализируются данные мониторинга, разрабатываются системы раннего предупреждения, строятся различные инфраструктурные объекты [Pelling, 2003]. Подобные техники и знания, ориентированные на фиксацию текучести природы, размещаются за пределами социального и политического измерения и противоречат концепции гибридации. Возможность симметричного смешения города и опасностей возможно, только если переопределить природные катастрофы как длительные социоприродные явления, чего, однако, по каким-то причинам не происходит. Марк Пеллинг замечает, что подобное понимание опасностей «слишком хорошо вписывается в многомиллиардную индустрию ликвидации последствий стихийных бедствий, которая основана на инженерных системах по смягчению физических причин и последствий стихийных бедствий» [Pelling, 2001].

Что же можно предложить в качестве альтернативы описанным техникам и знаниям? Как можно жить в постоянном страхе природной катастрофы, устоять от попыток инструментализации и урбанизации природы? Кристоф Маух показывает, как некоторые знания и стратегии индигенных народов оказываются более адаптивными и позволяют лучше управлять поселениями, в то время как колониализм и привезенные технологии в Африке, Азии и Южной Америке часто уничтожали традиционные знания коренных народов, а утрата локального опыта почти неизменно приводила к повышению уязвимости [Mauch, 2009]. Но речь не просто о романтизации традиционного отношения к природе, которое, безусловно, заслуживает внимательного рассмотрения. Локализованные и размещенные в конкретной ситуации знания и техники во многих случаях показы-

вают лучшую способность динамического настраивания города и природы. Так, Ричард Норгаард критикует централизованные, технологизированные и бюрократизированные структуры и говорит о более гибких организационных институтах, которые способны меняться и подстраиваться под новую ситуацию, адаптироваться к локальным экологиям и строиться на ответственности местных сообществ [Norgaard, 1994].

Донна Харауэй предлагает обратиться к ситуативному знанию, которое она противопоставляет знанию объективному и релятивизму – взглядам из ниоткуда. Ситуативное знание не стремится монополизировать истину, оно способно к изменениям и создается в конкретной ситуации – «ничто не связано со всем; все связано с чем-то конкретным» [Харауэй, 2020]. Но самое главное, оно указывает на объект познания как на «активную и смыслопорождающую часть аппарата телесного производства», который участвует в совместном производстве знания. Важно сказать, что это не полное смешение с объектом познания, а частичное соединение, которое «оставляет возможность учиться тому, как видят другие» [Харауэй, 2022]. Харауэй настаивает, что для такого знания позиция «угнетенных» является предпочтительной, так как она допускает критический, интерпретативный взгляд и не претендует на всеобъемлющее видение. Знания и техники «угнетенных» используют методы критического позиционирования и расположения (*situating*) для частичного совпадения с другим и производства множественного взгляда, но далеко отстоят от привилегированного или «урбанизированного» взгляда из ниоткуда.

В качестве наиболее яркого примера гибрида города и природы, а также функционирования ситуативных знаний и техник рассмотрим историю грибов мацутаке, рассказанную Анной Цзин. Этот гриб вплетен во множество отношений биологических, экономических, социальных: он самый дорогостоящий гриб и бесценный подарок, от его урожайности зависит жизнь лесных партизанов-хмонгов, он является важной частью экосистемы нарушенных человеческой деятельностью лесов и многое другое. Цзин говорит, что грибы могут нас научить своему взгляду, могут научить существовать в сложных экологических обстоятельствах длящихся катастроф, на поврежденных землях и на руинах капитализма. Грибные техники текучи и ситуативны, но представляют «одну из разновидностей сотруднического выживания» [Цзин, 2017]. Они как настоящие «угнетенные» не предлагают отстраненного взгляда из ниоткуда, монополизирующего истину, универсальной техники фиксации и стабилизации отношений, но показывают ситуативные стратегии совместного, многовидового выживания в прекарном мире.

Заключение

Так почему, несмотря на громкие заявления политиков, ученых и городских планировщиков о том, что

гибридизация идет полным ходом, нам все еще сложно встретить природу в наших городах? Возможно, дело в том, что гибрид только кажется не-проблематичной фигурой соединения того, что и так никогда не существовало отдельно. Гибрид требует невероятных усилий принятия риска существования в одном городском пространстве с теми, кто опасен, непредсказуем, неуправляем. Если мы предпочитаем это не замечать, то под видом гибридизации происходит полная и окончательная урбанизация природы, а ее непослушность, агентность, текучесть оказываются жестоко подавлены. Запускается машина по производству объективного знания о природе и разнообразных техник управления: рисуются карты, собирается статистика, строятся дамбы, разрабатываются вакцины. Попытки установить полный контроль над природой оборачиваются необходимостью усиливать давление, вместо того чтобы ослабить хватку.

Распространение зоонозных заболеваний и увеличение частоты природных катастроф – актуальные сюжеты современности, которые показывают, как далеки мы еще от гибрида города и природы. Опасные, изменчивые и непредсказуемые элементы с большим трудом удается включить в нормальное функционирование города, существующего в формах XX века. Человеческие болезни и природные катастрофы определяются в нем исключительно как внутренние и внешние противники, над которыми необходимо одержать полную и окончательную победу. Успехи системы здравоохранения и реализация инфраструктурных мегапроектов внушили уверенность в нашей правоте и независимости от природы. Но оказалось, новые вирусы и природные катаклизмы не просто следствие урбанизации, но что их понимание невозможно без более широкой социальной и политической интерпретации. Создание симметричного гибрида требует не просто выделения укромного места для природы в городе, но радикального пересмотра основ общественного устройства.

Необходимым условием гибридизации города и природы является возможность непредсказуемых встреч. Принятие риска этих взаимодействий, как и согласие на совместное существование с опасной природой, нуждается в разнообразных стратегиях преодоления индивидуализма. Среди них наиболее подходящими будут те, что описывают возможность соединения множеств в сложные симбиотические и взаимовыгодные образования. Такие соединения предполагают особые формы ситуативных техник и знаний, не претендующих на универсальный взгляд из ниоткуда, но требующих конкретного расположения и ответственности за позиционирование взгляда. Так, стирая границы собственного «я», включая себя в ближайшие сети жизни и умирания, отказываясь от монополизирующего истину знания, присоединяясь к критическому и расположенному взгляду угнетенных, мы наконец открываем возможность для построения симме-

тричных гибридов в городе, для совместного выживания в этом полном опасностей и экологических проблем мире.

Источники

- Браттон Б. (2020) *The Terraforming*. Москва: Strelka Press.
- Колберт Э. (2023) *Под белым небом: Как человек меняет природу*. Москва: Альпина нон-фикшн.
- Латур Б. (2006) *Нового времени не было*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. (2018) *Политики природы: Как привить наукам демократию*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Маккуайр С. (2014) *Медийный город: Медиа, архитектура и городское пространство*. М.: Strelka Press.
- Харауэй Д. (2020) *Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в Хтулуцене*. Пермь: Нуле press.
- Харауэй Д. (2022) *Ситуативное знание: Вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы*// *Логос*. Т. 32. № 1. С. 237–271.
- Цзин А.Л. (2017) *Гриб на краю света: О возможности жизни на руинах капитализма*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Agrest D. (1996) *The Return of the Repressed: Nature//The Sex of Architecture*/D. Agrest, P. Conway, L.K. Weisman (eds.). New York: Harry N. Abrams, Inc., Publishers. P. 49–69.
- Braun B. (2008) *Thinking the City through Sars: Bodies, Topologies, Politics//Networked Disease: Emerging Infections in the Global City*/S.H. Ali, R. Keil (eds.). Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.
- Castree N. (2002). *False Antitheses? Marxism, Nature and Actor-Networks*. *Antipode* Vol. 34. No. 1. P. 111–146.
- Castree N. (2005) *Nature. Key Ideas in Geography*. London and New York: Routledge.
- Cronon W. (1991) *Nature's Metropolis: Chicago and the Great West*. New York: W.W. Norton & Co.
- Cronon W. (1995) *The Trouble with Wilderness; or, Getting Back to the Wrong Nature//Uncommon Ground: Rethinking the Human Place in Nature*. New York: W.W. Norton & Co. P. 69–90.
- Da Cunha D. (2018) *The Invention of Rivers: Alexander's Eye and Ganga's Descent*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Fischer C.S. (1995) *The Subcultural Theory of Urbanism: A Twentieth-Year Assessment* // *American Journal of Sociology*. Vol. 101. No. 3. P. 543–577.
- Gandy M. (2005) *Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City*, *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 29. No. 1. P. 26–49.
- Gandy M. (2006) *The Bacteriological City and Its Discontents*. *Historical Geography*. Vol. 34. P. 14–25.
- Gandy M. (2023). *Zoonotic urbanisation: multispecies urbanism and the rescaling of urban epidemiology*// *Urban Studies*. Vol. 60. No. 13. P. 2529–2549.
- Hajer M. (1995) *The Politics of Environmental Discourse: Ecological Modernization and the Policy Process*. Oxford: Clarendon Press.
- Haraway D. (1991) *Simians, Cyborgs and Women—The Reinvention of Nature*. London: Free Association Books.
- Haraway, D. (2008) *When Species Meet*. Minneapolis: University of Minnesota.
- Keil R., Graham J. (1998) *Reasserting Nature: Constructing Urban Environments after Fordism//Remaking Reality: Nature at the Millenium*/B.Braun, N. Castree (ed.). London, New York: Routledge. P. 98–125.
- Luke T.W. (1996) *Liberal Society and Cyborg Subjectivity: The Politics of Environments, Bodies, and Nature//Alternatives*. Vol. 21. P. 1–30.
- Mauch C. (2009) *Introduction//Natural Disasters, Cultural Responses: Case Studies Toward a Global Environmental History*/C. Mauch, C. Pfister (eds.). Lanham, MD: Lexington Books.
- McHarg I. (1995) *Design with Nature*. New York: Wiley.
- Mitchell J.K. (2001) *What's in a Name? Issues of Terminology and Language in Hazards Research//Environmental Hazards*. Vol. 2. No. 3. P. 87–88.
- Morton T. (2007) *Ecology Without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Munster V.J., Bausch D.G., de Wit E., Fischer R., Kobinger G., Muñoz-Fontela C., Olson S.H., Seifert S.N., Sprecher A., Ntoumi H., Massaquoi M., Mombouli J.-V. (2018) *Outbreaks in a Rapidly Changing Central Africa—Lessons from Ebola*// *New England Journal of Medicine*. Vol. 379. No. 13. P. 1198–1201.
- Norgaard R.B. (1994) *Development Betrayed: The End of Progress and a Coevolutionary Revisioning of the Future*. London: Routledge.
- Peeling M. (2001) *Natural Disasters?//Social Nature. Theory, Practice, and Politics*/N. Castree, B. Braun (eds.). Oxford: Blackwell Publishers. P. 170–179.
- Pelling M. (2003) *The Vulnerability of Cities: Natural Disaster and Social Resilience*. London: Earthscan Publications Ltd.
- Prescott S.L., Logan A.C. (2019) *Planetary Health: From the Wellspring of Holistic Medicine to Personal and Public Health Imperative*// *Explore*. Vol. 15. No. 2. P. 98–106.
- Satterthwaite D. (1998). *Meeting the Challenge of Urban Disasters IFRC/RC//World Disasters Report 1998*. Oxford: Oxford University Press.
- Shingne M.C., Reese L.A. (2022) *Animals In The City: Wither The Human-Animal Divide*// *Journal of Urban Affairs*. Vol. 44. No. 2. P. 114–136.
- Smith, K (1992) *Environmental Hazards*. London: Routledge.
- Swyngedouw E. (1996) *The City as a Hybrid. On Nature, Society and Cyborg Urbanisation//Capitalism, Nature, Socialism*. Vol. 7. No. 1. P. 65–80.
- Swyngedouw E., Kaika M. (2014) *Urban political ecology: Great promises, deadlock... And New Beginnings? (L'ecologia politica urbana. Grans promeses, aturades... i nous inicis?)*// *Documents d'Analisi Geografica*. Vol. 60. No. 3. P. 459–481.
- Tzaninis Y., Mandler T.; Kaika M.; Keil R. (2021) *Moving Urban Political Ecology beyond the 'Urbanization of Nature'*// *Progress in Human Geography*. Vol. 45, no. 2. P. 229–252.
- Vidler A. (1994) *The Architectural Uncanny. Essays in the Modern Unhomely*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Wolfe, N.D., p. Daszak, A.M. Kilpatrick and D.S. Burke (2005) *Bushmeat Hunting, Deforestation, and Prediction of Zoonotic Disease*// *Emerging Infectious Diseases* Vol. 11. No. 12. P. 1822–1827.

AN ASYMMETRICAL HYBRID: WHY IS IT DIFFICULT TO ENCOUNTER NATURE IN THE CITY?

Marat R. Nevlyutov, journalist; teacher, Moscow School of Architecture MARCH, 10, bldg. 2 Nizhnaya Syromyatnicheskaya St., Moscow, 105120, Russian Federation; Senior Research Fellow, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (NIITIAG), 29 Vernadsky Ave., Moscow, 119331, Russian Federation; Editor-in-Chief, online magazine PILA.
E-mail: mnevlyutov@gmail.com

This article examines certain characteristics of hybrids in urban theory. A hybrid describes the mixtures of heterogeneous entities, resulting in a constantly conflicted whole that threatens to be destroyed. Nature, contrasted with the city, acts as a destabilizing element. The inclusion of nature in the city continues to occur through various techniques of control and objective knowledge. This urbanization of nature disrupts the necessary balance of the hybrid, turning it into an asymmetrical network oppressing nature. The article examines such examples of nature's response as zoonotic diseases and natural disasters, which are described as an ongoing struggle between the city and nature. The possibility of including these phenomena in the city is associated with the articulation of the social and political and with accepting the risk of an "encounter" in the city with the dangerous, variable, and unpredictable. The article outlines some techniques to establish the symmetry of the hybrid and open up the possibility for unpredictable encounters.

Keywords: hybrid; urbanization of nature; zoonotic diseases; natural disasters; unpredictable encounters; situational knowledge

Citation: Nevlyutov M.R. (2024) An Asymmetrical Hybrid: Why is it Difficult to Encounter Nature in the City? *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 2, pp. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp9220246-14> (in Russian)

References

Agrest D. (1996) The Return of the Repressed: Nature. *The Sex of Architecture*/D. Agrest, P. Conway, L.K. Weisman (eds.). New York: Harry N. Abrams, Inc., Publishers, pp. 49–69.

- Bratton B. (2020) The Terraforming [The Terraforming]. Moscow: Strelka Press. (in Russian)
- Braun B. (2008) Thinking the City through Sars: Bodies, Topologies, Politics. *Networked Disease: Emerging Infections in the Global City*/S.H. Ali, R. Keil (eds.). Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.
- Castree N. (2002). False Antitheses? Marxism, Nature and Actor-Networks. *Antipode*, vol. 34, no 1, pp. 111–146.
- Castree N. (2005) Nature. Key Ideas in Geography. London and New York: Routledge.
- Cronon W. (1991) Nature's Metropolis: Chicago and the Great West. New York: W.W. Norton & Co.
- Cronon W. (1995) The Trouble with Wilderness; or, Getting Back to the Wrong Nature. *Uncommon Ground: Rethinking the Human Place in Nature*. New York: W.W. Norton & Co, pp. 69–90.
- Da Cunha D. (2018) The Invention of Rivers: Alexander's Eye and Ganga's Descent. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Fischer C.S. (1995) The Subcultural Theory of Urbanism: A Twentieth-Year Assessment. *American Journal of Sociology*, vol. 101, no 3, pp. 543–577.
- Gandy M. (2005) Cyborg Urbanization: Complexity and Monstrosity in the Contemporary City. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 29, no 1, pp. 26–49.
- Gandy M. (2006) The Bacteriological City and Its Discontents. *Historical Geography*, vol. 34, pp. 14–25.
- Gandy M. (2023). Zoonotic Urbanisation: Multispecies Urbanism and the Rescaling of Urban Epidemiology. *Urban Studies*, vol. 60, no 13, pp. 2529–2549.
- Haraway D. (2020) Ostavayas' so smutoy. Zavodit' sorodichey v Khtulutsene [Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene]. Perm: Hyle Press. (in Russian)
- Haraway D. (1991) Simians. Cyborgs and Women—The Reinvention of Nature. London: Free Association Books.
- Haraway D. (2022) Situativnoe znanie: Vopros o nauke v feminizme i preimushchestvo chastichnoy perspektivy [Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective]. *Logos*, vol. 32, no 1, pp. 237–271. (in Russian)
- Haraway D. (2008) When Species Meet. Minneapolis: University of Minnesota.
- Hajer M. (1995) The Politics of Environmental Discourse: Ecological Modernization and the Policy Process. Oxford: Clarendon Press.
- Keil R., Graham J. (1998) Reasserting Nature: Constructing Urban Environments after Fordism. *Remaking Reality: Nature at the Millennium*/B.Braun, N. Castree (ed.). London, New York: Routledge, pp. 98–125.
- Kolbert E. (2023) Pod belym nebom: Kak chelovek menyaet prirodu [Under a White Sky: The Nature of the Future]. Moscow: Alpina Non-Fiction. (in Russian)
- Latour B. (2006) Novogo vremeni ne bylo [Latour B. (2006) We Have Never Been Modern]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge [Publishing House of the European University at Saint Petersburg]. (in Russian)
- Latour B. (2018) Politiki prirody: Kak privit' naukam demokratiyu [Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy]. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russian)
- Luke T.W. (1996) Liberal Society and Cyborg Subjectivity: The Politics of Environments, Bodies, and Nature. *Alternatives*, vol. 21, pp. 1–30.
- Mauch C. (2009) Introduction. *Natural Disasters, Cultural Responses: Case Studies Toward a Global Environmental History*/ C. Mauch, C. Pfister (eds.). Lanham, MD: Lexington Books.
- McHarg I. (1995) Design with Nature. New York: Wiley.
- McQuire S. (2014) Medijny gorod: Media, arkhitektura i gorodskoe prostranstvo [Media City: Media, Architecture, and Urban Space]. Moscow: Strelka Press. (in Russian)
- Mitchell J.K. (2001) What's in a Name? Issues of Terminology and Language in Hazards Research. *Environmental Hazards*, vol. 2, no 3, pp. 87–88.
- Morton T. (2007) Ecology Without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Munster V.J., Bausch D.G., de Wit E., Fischer R., Kobinger G., Muñoz-Fontela C., Olson S.H., Seifert S.N., Sprecher A., Ntoumi H., Massaquoi M., Mombouli J.-V. (2018) Outbreaks in a Rapidly Changing Central Africa—Lessons from Ebola, *New England Journal of Medicine*, vol. 379, no 13, pp. 1198–1201.

- Norgaard R.B. (1994) *Development Betrayed: The End of Progress and a Coevolutionary Revisioning of the Future*. London: Routledge.
- Peeling M. (2001) Natural Disasters? *Social Nature. Theory, Practice, and Politics*/N. Castree, B. Braun (eds.). Oxford: Blackwell Publishers. P. 170-179.
- Pelling M. (2003) *The Vulnerability of Cities: Natural Disaster and Social Resilience*. London: Earthscan Publications Ltd.
- Prescott S.L., Logan A.C. (2019) Planetary Health: From the Wellspring of Holistic Medicine to Personal and Public Health Imperative. *Explore*, vol. 15, no 2, pp. 98-106.
- Satterthwaite D. (1998). Meeting the Challenge of Urban Disasters IFRC/RC. *World Disasters Report 1998*. Oxford: Oxford University Press.
- Shingne M.C., Reese L.A. (2022) Animals in The City: Wither The Human-Animal Divide. *Journal of Urban Affairs*, vol. 44, no. 2, pp. 114-136.
- Smith, K (1992) *Environmental Hazards*. London: Routledge.
- Swyngedouw E. (1996) The City as a Hybrid. On Nature, Society and Cyborg Urbanisation. *Capitalism, Nature, Socialism*, vol. 7, no 1, pp. 65-80.
- Swyngedouw E., Kaika M. (2014) Urban political ecology: Great promises, deadlock... And New Beginnings? (L'ecologia politica urbana. Grans promeses, aturades... i nous inicis?) *Documents d'Analisi Geografica*, vol. 60, no 3, pp. 459-481.
- Tsing A.L. (2017) Grib na krayu sveta: O vozmozhnosti zhizni na ruinakakh kapitalizma [The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins]. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)
- Tzaninis Y., Mandler T., Kaika M., Keil R. (2021) Moving Urban Political Ecology beyond the 'Urbanization of Nature'. *Progress in Human Geography*, vol. 45, no 2, pp. 229-252.
- Vidler A. (1994) *The Architectural Uncanny. Essays in the Modern Unhomely*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Wolfe N.D., p. Daszak A.M. Kilpatrick and D.S. Burke (2005) Bushmeat Hunting, Deforestation, and Prediction of Zoonotic Disease. *Emerging Infectious Diseases*, vol. 11, no 12, pp. 1822-1827.